

Ямал

Николай Муравин

1994 год

Повезло с погодой, думает сумасшедший. Дождь, ветер, а потом колючий снег – настоящее ноябрьское ненастье, да только здесь всего-то середина сентября. Ветер в лицо, и голову приходится нагибать низко, ещё ниже, чтобы не выцарапало глаза, а глаза ой как нужны, им ещё долго смотреть на тундру, намечая путь среди озер и болот, но пока трудятся ноги, погружая сапоги в чавкающий мох. Хуже было ночью, сейчас, наконец, рассвело и сумасшедший смог рассмотреть безрадостную холмистую равнину, отделяющую его от побережья.

Ветер ослаб, кончился снег, белой крупой усыпав травы и мхи. Днем растает, дни стоят ещё теплые. Сумасшедший перешел мелкий ручей и, выбравшись на противоположный берег, позволил себе передохнуть – присел возле старого кострища. Видимо, была стоянка ненцев – оленеводы проходят здесь дважды в год, летом на север, осенью к югу.

Тундру, о которой столько поют под гитару у костров в лесах средней полосы, сумасшедший ненавидел. Конечно, она красива, особенно осенью. Многим нравится, а ему

Николай Муравин
Ямал
1994 год

<http://kolya-muravin.ru/>
Опубликовано в журнале *Вуглускр* #2, 1994г. и газете
Дезертир #1, февраль 2005 г.

ru.anarchistlibraries.net

нет. Дело не в холоде. Дело в том, кто как сюда попадает, а он попал не по своей воле. Потому и сошёл с ума.

Тишина. Когда идёшь, нормально, сапоги хлюпают, слышно собственное дыхание – облаком пар изо рта – но стоит остановиться, аморфной слепой тушей наваливается тишина. Тишина мёрзлого пустого пространства, мягко пружинящего под стопой, как будто там застыла в ожидании вязкая могила трясины. Каждый шаг – над бездной, это для сумасшедшего не метафора. Мох лесов другой, в лесу деревья – друзья, твёрдые, надёжные, а здесь они ниже травы: видишь, береза – несколько прутиков с мелкими листьями. Здесь всё иначе, когда проваливается под ногой податливая кочка, а вокруг на десятки километров никого. А те, что есть, хуже трясины.

Короток привал, надо спешить. В животе урчит, но сумасшедший привык к голоду в последние месяцы. Да, вот за это можно им спасибо сказать. Банки тушёнки и хлеб в вешмешке могут лежать спокойно, эта тяжесть уменьшилась только в полдень, если всё пойдёт по плану. Остальное – шинель в скатке, гражданский нож на ремне, фляга – сохранится до конца. До юга. До Урала. До лесов. «Да ты просто псих», – сказал ему друг, который его предал. Сволочь. Ладно, отдых окончен, пошёл.

Море блеснуло после следующей гряды холмов широкой молочной полосой вдоль горизонта. Через полчаса сумасшедший остановился над пляжем, осмотрелся, спрыгнул в ближайший ручей и, шлёпая хорошо смазанными сапогами по руслу, вышел на осушку – асфальтовую твердь плотного сырого песка, только что оставленную морем. Время отлива. Он осторожничал, опасаясь отпечатков своих подошв, хотя через час их всё равно задует ветром. Но сверху его на пляже отлично видно: серо-зеленая фигурка у грязной ломаной линии прибоя. Он надеялся, что вертолёт не взлетит; если взлетит – пройдёт стороной; если нет

нормальным – вот как бывает с теми, кто смеет сойти с ума. Так будет, потому что все здесь заодно: звери, ветер, песок, мох, люди. Все они предают, о, как я сразу не догадался!

Но... Но монстр вдруг качнулся, сдвинулся, круто взмыл вверх, его скрыл край нависшего обрыва, а потом он показался снова, уже над морем. Вертолёт уходил на базу, на север и с каждым мгновением глох грохот его страшных винтов. Сумасшедший зажмурил слезящиеся, продутые ветром глаза, вслушиваясь в угасание звука. А когда глаза открылись, всё было уже тихо и всё на месте – и долина, и холмы, и олени, и ржавые бочки, только ненца на склоне не было.

Стряхнув оцепенение, он спрыгнул с бугра, торопясь, обулся, подхватил вещмешок и шапку и побежал наверх. Шинель нашёл сразу – она лежала в расселине, с вертолёта не заметили бы. Поднял её, отряхнул, а когда выпрямился, увидел над собой пастуха.

Ненец молча разглядывал его. Потом произнёс:

- Один идешь? Одному нельзя. Пропадёшь один.

Отвернулся и исчез. Сумасшедший стоял на дне оврага, скимая в руке шинель, вещмешок за плечами, на ремне нож. Один. Постоял, бросился вверх и выскоцил на обрыв. Красное солнце сползло за море. Ненец ждал.

- Верно говорю, пропадёшь один. Иди за мной.

И двинулся в тундру. Ненец шёл уверенно, не оглядывался, как будто точно знал, что сумасшедший идёт следом.

Декабрь 1993 г.

– он сможет его вовремя услышать и спрятаться. Чтобы лучше слышать, он снял шапку, сунул её за пазуху бушлата и побежал.

Он легко вошёл в ритм, он бежал размеренно, как по дорожке стадиона, как по хрустящему гравию аллей летним солнечным утром вдоль синей реки. Он не спал ночь и ничего не ел с вечера, но усталости не чувствовал. Может быть, от холода и страха. Может оттого, что этот бег выбрал он сам. Не в колонне под тяжестью оружия, в духоте противогаза, под мат похмельного прапорщика, которого и самого гонит та же безличная сила. Он выбрал свой бег, но для этого понадобилось сойти с ума.

На осушке лежали водоросли, щепки, небольшие раковины, в мусоре ковырялись чайки, взлетали, крича, при приближении человека, скользили в тучах белыми крестами. Берег слева менялся: то жёлтые песчаные откосы, то серые глиняные; в волнобойные ниши у основания намело сугробы ночного снега, то чёрные торфяные, с торчащими из-под оползней стволами доледниковых деревьев, то подходила к самому пляжу бурая плоскость прибрежных лугов. Справа было серое, суровое, малоподвижное море, вялые бугры волн, клочья пен, светлый горизонт под тучами. Пляж классный. Если море подогреть, будет курорт круче Крыма. Отгородить дамбой, сунуть под воду реактор, и греби валюту. Сумасшедший усмехается. Сыпал, что разные греки вынашивали гениальные мысли в движении, а у меня вот, всякая чушь в голову лезет.

Впереди, там, где пляж сливается с низиной, два ярко-белых пятна. Тормози, «сбережёшь секунду – потеряешь жизнь». Не все на Севере видели белых медведей, но всякий наслышан об их дурных манерах. В августе приплыл один по морю, хотя и не сезон. Часть сидела на территории, хотели завалить, но – охота запрещена. Отогнали очередя-

ми в воздух. Сержанты в сушилке потом долго обсуждали размёр лап и площадь шкуры, если бы повесить её на стену.

Человек остановился. Дыхание рвалось наружу, бухало сердце. От него, говорят, не убежишь, скорость такая ма-хина на коротких дистанциях развивает больше, чем Карл Льюис... Шевельнулось... Одно и второе... Взлетели, пошли над тундрой... Полярные совы, чёрт бы их побрал!

Около полудня сильно потеплело, тучи стали выше, хо-тя дождь моросил, не переставая. Сумасшедший издали заметил метеостанцию на высоком берегу – несколько бал-ков, высокий шест с флюгером. Там смена. Кто знает, что за люди, вооружены, а может, и собаки у них есть... Нико-му здесь верить нельзя, если хочешь выжить. Если хочешь дойти – верь только себе. В обход.

Уклоняясь в тундру, сумасшедший долго брёл по топ-ким лугам, изъеденным, словно короеды грызли, озерка-ми и лужами самой разнообразной формы. Вышел к реке. Какая-нибудь «яха», все они тут «яхи», как в Мексике «рио». Реку пришлось переплыть, раздевшись на ветру. Не очень приятно, но есть вещи и похуже. После такой потери тепла он просто обязан был поесть. Набрал плавника вдоль бе-рега, расколол ножом, сложил костер. Разогретая тушенка, хлеб, речная вода. «Перекур» – понятие условное, обозна-чает краткий отдых. Он никогда не курил, хотя в последнее время задумывался, а не проще ли закурить? Не лучше ли вообще просто делать то, что от тебя хотят? Но его с самого начала сочли ненормальным, и он лишь подтвердил свою репутацию. Теперь – беги, сумасшедший, нет у тебя другой дороги.

Он неплохо подготовился, правда, не смог достать даже самой ерундовой карты. Карту он видел, но давно, когда ещё не всё с ним было ясно. Он помнил только контур бе-реговой линии и несколько больших рек, по-настоящему больших, через которые ему предстоит переправиться по

потрогал шинель, его шинель. Медленно огляделся. При-сел. Не заметил меня? Заметил? Предаст? Внезапно ненец выпрямился, держа шинель обеими руками, а палку зажав подмышкой. Спрятал в овраг, скрывшись из виду, а когда появился на другой стороне, руки его были пусты. Через секунду до ушей сумасшедшего донёсся рокот вертолёта, а ещё через две стальное чудище вывалило из-за холмов, проплыло над долиной и зависло здесь, прямо здесь, чуть выше пастуха. Винты месили воздух с такой силой, что и возле сумасшедшего закручивались вихри песка, пыль мешала ему смотреть; там же, где стоял ненец, наверное, вообще находиться было невозможно, но он стоял, при-крывая лицо рукой, ветер остервенело трепал его короткие чёрные волосы. Потом пастух отбросил палку, медленно развел руки в стороны и замер – крест на фоне неба.

Пилотов не разглядеть за темными стёклами кабины. Это сверхорганизм, понял сумасшедший. Пастух знает как себя вести – неподвижность и повиновение. Но монстр... Что нужно ему, чтобы расплещь человека? Вовсе не усилие, керосиновое сердце не испытает перебоев, броне-вая плита днища рассчитана не на такое сопротивление. Глубоко вонзятся в мох шасси-лапы, и коричневая жижа, сок вечной мерзлоты, брызнет наружу. Одна возможность спасти, плавный указующий жест – туда, там, возьмите его! И – герой в кадре – нелепый рывок по пляжу, между брёвнами и поплавками, к той ржавой бочке, оставляя от-печатки одной босой ноги, одной обутой. Пули, влажно хлюпнув, воткнутся в сырой песок, вторая очередь ударит в спину. Он упадёт лицом в лужу, оставшуюся от прилива, в горькую воду полярного моря.

Он никогда не выйдет из тундры, никогда не увидит лесов. Безумием была сама мысль об этом. Да, безумием, безумием, я излечился наконец и если я сдамся сейчас, меня не убьют! Нет, убьют всё равно. Моё тело покажут

реки, дальше пологие холмы, над холмами небо, в небе –
стаю птиц. Наверное, гуси летят на юг.

Проснулся – было ещё светло, но солнце сильно склонилось к западу, и он оказался в тени. В тени холодно. Приподнялся на локте – на том берегу по холмам бродили пасущиеся олени. Чёрт! Он резко вскочил и столкнулся с оленем, как говорят, нос к носу. Морда у оленя была точно такая же, какую сумасшедший видел когда-то в музее, только там шерсть между глаз была протерта добела, всем хотелось её потрогать, когда отворачивалась старушка-служительница – а здесь всё цело, к носу прилипла травинка. Глаза печальные. Олень передёрнул ушами, фыркнул, и сделал несколько быстрых шагов в сторону.

Где же пастухи, – думал он, скатывая шинель. Олени часто бродят сами по себе, но всё-таки... Уходить, уходить за реку, но сначала под обрыв к морю. Зелёное море переливалось под усталым весенним солнцем. Сначала – к берегу. Ноги сами несли его под уклон. Он притормозил, споткнулся, рухнул в песок за бугром у самого пляжа. Холодная струйка, шурша, потекла в сапог. Что это я распрыгался, удивился сумасшедший. Ясное дело, ненцев здесь нет. Он снял сапог, песок вытряхнул, стал перематывать тёплые портянки, но внутри росла неудовлетворенность, будто он не сделал вещь очень важную. Шинель! Ну конечно, шинель забыл.

Сумасшедший, босой ногой по песку, другая обутая – вполз на бугор и выглянул из-за края. Вон она лежит, серая шинель, сам пришивал петлицы и пуговицы, пальцы искалол тупой иглой. Надо пойти и взять. Надо... На склоне появился человек. Сумасшедший осел, сжался, живот свело. Кто это? Ненец-пастух, коренастый, черноволосый, в их традиционной куртке, кухлянка, кажется. Тесак на поясе, болотные сапоги, в руке длинный посох. Проклятый чукча! Сперва ткнул своей палкой, затем наклонился и

пути на юг. А юг – это свобода. Свобода там, где можно выйти из-за стен, смеяться, двигаться, дышать, свобода там, где есть дом, где вообще есть дома, а не ящики-балки, не казённые бараки на сваях, упирающихся в вечную мерзлоту. Туда надо дойти наперекор тундре, вертолётам, болотам, чайкам, кочевникам, метеостанциям, наперекор всему этому тосклившему краю.

Поднявшись по склону речной долины, он подумал, как всё же хорошо идти вдоль моря. Здесь болото, кочки, осока и разумеется никаких троп. А море – мой единственный компас. Он пошёл вниз по реке. Метеостанция уже не казалась ему опасной, чувство страха притупили еда и усталость. Он не сбирался подходить близко, просто ему захотелось увидеть, как живут здесь люди. Увидеть людей.

Тундру от станции отделял ручей. До жилых балков отсюда метров двести, а всякий технический хлам, ржавые трубы, корпуса вездеходов, металлические бочки – вот они, рукой подать. В приземистом сарае, от которого к балкам тянутся провода, тарахтит дизель. На пустыре перед станцией воткнуты в землю четыре флагка, когда-то красные, а теперь белые скорее. Посадочная площадка.

Тарахтение дизеля на первых порах съело шум двигателей вертолёта и это, наверное, спасло сумасшедшего – он не успел пошевелиться, броситься прочь, превратившись в отчётиво различимую движущуюся мишень, не успел сообразить, почему звук приблизился, удвоился, а лишь поднял голову и увидел, как из облаков вывалилась гигантская крылатая сигара МИ-6, проскользнула, грохоча, над ручьём, над свалкой, и зависла напротив станции. Упав за кочки, вжалвшись в мокрую траву, сумасшедший смотрел, как сорвало воздушным потоком выцветшие флагки, как подхватило и понесло какие-то палки, куски рубероида, швырнуло о стенку сарая чёрного пса, отважно бросившегося навстречу небесному чудовищу. Три человека, вы-

скочившие из балка, стояли у двери как приклеенные и, казалось, не могли сделать и шага.

Приземлившись, вертолёт сбавил обороты, но двигатели не выключил, поэтому последующая сцена, лишённая осмысленного звука, выглядела для сумасшедшего немым кино. Из люка скинули трап, по трапу слез, придерживая фуражку, офицер в полевой форме, а следом пружинисто, спортивно спрыгнули трое автоматчиков. Офицер подошёл к полярникам, те, выслушав, отрицательно замотали головами. Автоматчики неторопливым, как бы прогулочным шагом тоже попытались приблизиться к станции. Положительный персонаж, чёрный пес, бросился на одного из них, тот отскочил, вскрикнув, и офицер, отвлёкшись от беседы, махнул рукой – отходи. Офицер вынул что-то из кармана и передал полярнику. Отсюда не видно, что, но догадаться несложно – фотография. Из личного дела. Анфас.

Кино, а я главный герой, пока, к счастью за кадром. А им ведь нужен только труп, – думает сумасшедший, лёжа в двухстах метрах от чёрных стволов трёх автоматов, уходящих, не найдя его. Ускорилось вращение грандиозных винтов, обрубающих кубометры тумана с дождевой пылью, вертолёт подпрыгивает вверх, и, продолжая набор высоты, уходит в сторону моря. В конце-концов, только тело, вспоминает он, наслаждаясь теплом, лёгкостью, безопасностью, ощущением жизни и даже свободы, хотя на самом деле здесь никакая не свобода. Здесь необходимость. Тело, запаянное в цинковый гроб. Любой бы сошёл, хоть ненец, хоть полярник. Не стоит об этом. Об этом потом, на юге, тёплыми ночами, в ходе любования иллюминацией кораблей на рейде. Всё, пошёл.

Он побежал, пригибаясь, чтобы не заметили со станции – ещё вздумают рассматривать в бинокль... Потом долго блуждал по оврагам, слезал вниз, срывая каблуками мохо-

вой покров, взбегал на противоположный борт, спускался в следующий. Показалось – потерял направление. Испугавшись, он поднялся на водораздел и убедился, что море совсем рядом. Над морем уже сияло солнце, грузные тучи уползали на восток. Головой он тучи пожалел, но душа радовалась. Давно не видел солнца.

Сухие холмы были здесь срезаны тридцатиметровыми песчаными обрывами. Сумасшедший шёл по самой бровке, вдыхая ветер, разглядывая морскую даль. День был в разгаре. Хороший день для чаек, оленей и песцов. Для него – посмотрим.

Тяжело волочить сапоги по мягкой поверхности мхов. Проще идти по пляжу, но лень спускаться... Местность ступенями спадает к новой реке, широкими петлями прорезавшей дно долины. Река? Снова плыть. Вдруг не выдержал ноги. Сумасшедший сел, а потом лег тут же, где стоял. Он перевернулся на спину, глядя в небо, затем повернул голову и увидел морошку. Сочная, пухлая малиновая ягода, бесстыдная, вызывающая, как накрашенные женские губы, а на деле водянистая, безвкусная. Кто-то говорил ему, что этим летом тепла совсем не было и потому морошка только воду набрала. Но для него это лето на севере – единственное, и морошка такой останется для него навсегда. Безвкусной. Он всё-таки потянулся к ягоде ртом, ухватил, проглотил, не разжёвывая. А чего там разжёвывать.

Припекает. Уснуть, забыть обо всём. Вертолёт своё отлетал. Ты действительно сумасшедший, подумал он, нельзя же так расслабляться. Нет, надо спать, пока тепло, ночью – идти. Вдоль моря и ночью можно, море – мой единственный компас. Спать, только не здесь. Он с трудом поднялся, добрёл до сухой ложбины, постелил шинель, достал кусок хлеба, торопливо сжевал, лёг. Сквозь устье оврага, как через прицел, он видел обрамлённый жёлтыми косами изгиб